

Валерий Писигин

Выступление на Пушкинском празднике
поэзии в Торжке, посвященном 30-летию Музея
А.С.Пушкина. 1 июня 2002 г.

Дорогие друзья!

Во «Временнике пушкинской комиссии» за 1972 год, где впервые сообщалось об открытии Музея Пушкина в Торжке, несколькими страницами раньше приводится анекдот об императоре Павле Первом, слышанный писателем В.А.Соллогубом от самого Александра Сергеевича.

«Пушкин рассказывал, что когда он служил в Министерстве иностранных дел, ему случилось дежурить с одним весьма старым чиновником. Желая извлечь из него хоть что-нибудь, Пушкин расспрашивал его про службу и услышал от него следующее.

Однажды он дежурил в этой самой комнате, у этого самого стола. Это было за несколько дней перед смертью Павла. Было уже за полночь. Вдруг дверь с шумом растворилась. Вбежал сторож впопыхах, объявляя, что за ним идет Государь. Павел вошел и в большом волнении начал ходить по комнате; потом приказал чиновнику взять лист бумаги и начал диктовать с большим жаром. Чиновник начал с заголовка: *“Указ Его Императорского Величества”* — и капнул чернилами. Поспешно схватил он другой лист и снова начал писать заголовок, а Государь всё ходил по комнате и продолжал диктовать. Чиновник до того растерялся, что не мог вспомнить начала приказа и боялся начать с середины, сидел ни жив ни мертв перед бумагой. Павел вдруг остановился и потребовал указ для подписания. Дрожащий чиновник подал ему лист, на котором был написан заголовок и больше ничего.

— Что ж Государь? — спросил Пушкин.

— Да ничего-с. Изволил только ударить меня в рожу и вышел.

— А что же диктовал вам Государь? — спросил снова Пушкин.

— Хоть убейте, не могу сказать. Я до того был испуган — что ни одного слова припомнить не могу».

Я привел этот анекдот, который, впрочем, совсем не придуман, потому что сам оказываюсь в положении того самого чиновника всякий раз, когда предстоит выходить на сцену и говорить о Пушкине или о чем-то, с ним связанном. Признаюсь, кроме Торжка и этого Дома культуры, на высокой сцене я не выступаю больше нигде.

Так вот, в той заметке, опубликованной во «Временнике пушкинской комиссии» и написанной Л.А.Казарской, сообщалось, что *«3 июня 1972 года, в дни Всесоюзного праздника поэзии, в городе Торжке, в бывшем доме Лениных, открылись две выставки, посвященные А.С.Пушкину...»*.

Сообщалось также о том, что открытие Музея «явилось крупным событием в культурной жизни области», что гостями праздника были советские поэты Лев Ошанин и Алла Стройло, а также Джим Патерсон, некогда известный всей стране негритенок из кинофильма «Цирк», что на следующий день праздник продолжился в Берново, где «перед многотысячной аудиторией выступили ответственный секретарь калининской писательской организации А.Ф.Гевелинг, секретарь Старицкого райкома КПСС З.П.Михайлова, преподаватель Торжокского педучилища В.Ф.Кашкова, учительница Погорельской средней школы А.П.Цветкова и гости праздника. В эти же дни в поселке Погорелое Городище, который Пушкин посещал в 1829 году, была установлена мемориальная доска...

Как говорится, жизнь била ключом...

Музей в Торжке появился в разгар того времени, которое властители новых дум поспешили окрестить «эпохой застоя», очевидно запамятавав, что в России время у народа и власти течет по-разному и у каждого по-своему. И если власть действительно топталась на месте или даже пятилась, то люди в нашей стране никогда не переставали трудиться, мечтать, радоваться, страдать и даже творить. Стоять на месте у нас — значит наверняка пропасть.

В 1836 году А.С.Пушкин опубликовал в «Современнике» статью *«Российская Академия»*, которую решил не подписывать своим именем и в которой рассказал о том, как поэт Языков принес в редакцию статью Фонвизина с весьма длинным названием — *«Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особое внимание»*. Пушкин счел, что главное в этих вопросах — ответы, которые «писаны Самой Императрицей». Среди них был и такой:

Вопрос: Отчего у нас не стыдно не делать ничего?

Ответ: Сие не ясно: стыдно делать дурное, а в обществе жить не есть не делать ничего.

Так и мы, вслед за Екатериной Великой, можем сделать вывод: *в России жить – не есть не делать ничего!*

Конечно, внешне это была жизнь во лжи, с сомнительными ценностями, в страхе и неведении, в отчуждении от остального мира, словом, это была жизнь народа, на лицо которому наступила железной пятой тоталитарная власть и изменила это лицо до неузнаваемости, а душу деформировала так, что она оказалась безбожной и беспамятной.

Но вот на смену одному строю пришел другой, прежних начальников сменили новые, поменялись флаги и даже слова у гимна, музыка которого на всякий случай осталась прежней, лексикон политиков и телекомментаторов пополнился новыми словами, которые не всякий пушкинист разберет, все сменилось... Только проблемы остались. Как в роскошном цветнике не определить, какая из роз наикрасивейшая, так и не разобрать, какая из наших российских бед наигоршая. И мы можем сравнивать жизнь сегодня и тридцать лет назад, сопоставлять преимущества сегодняшней с недостатками той, которая худо ли бедно прожита, но я хочу задать вопрос: *возможно ли сегодня, учитывая все происходящее вокруг, открыть в Торжке музей Пушкина?* Я задаю вопрос не о том, возможно ли какое-то властное, начальничье решение, — с этим проблем нет, — мне интересно знать: способны ли сегодняшние молодые люди, двадцатипяти–тридцатилетние повторить то, что в свое время создали новаторы?

Так вот, если бы у «эпохи застоя» за все её годы в активе был бы один только этот крохотный музей Пушкина в небольшом русском городе, то уже это было бы серьезным алиби и у самой эпохи, и у людей, живущих в эту эпоху. Но ведь был не только Музей. Принимала роды Вера Станиславовна Бобэк, при этом, я уверен, мало думая о том, демократ или коммунист появляется из чрева матери; преподавала русский и литературу Валентина Федоровна Кашкова, наверное ничуть не обременяясь тем, консерватор или либерал будет пользоваться преподанным ею русским языком; так же добросовестно трудились и продолжают трудиться сотни тысяч людей по всей России, жизнь и работа которых протекает вне всякой зависимости от политической конъюнктуры, и часто вопреки ей.

Торжок – город особенный. Это не дежурная фраза. Это факт, который я не устаю повторять. Он особенный не в географическом отношении и даже не в историческом — в этом смысле все города и

веси особенные, — Торжок особенный тем, что в нем за последние полтора века накопился и отчасти сохранился тот духовный и культурный потенциал, которым отличается Россия от остального мира и которым она, как мне видится, только и может спастись. Весь наш так называемый «ресурсный потенциал» — природные ископаемые, нефть и газ, никель и алюминий... — многого ли стоят? Да ничего, а если и стоят, то что нам с того? Ведь всё это разменная монета в руках власти. Не случайно самые бедные народы — те, что ходят по «таблице Менделеева», а самые богатые — те, кто над этими народами властвует...

Торжок отличается своей духовной сущностью, которую обеспечили поколения жившей здесь интеллигенции. Не той придворной «интеллигенции», которая спешит отметиться поддержкой любых властных начинаний — от войны до вивисекций с русским языком, не той, что мелькает на столичных приемах и презентациях, а настоящей русской интеллигенции, которая действительно озабочена судьбами своего народа и страны, которая несет просвещение и свет: учителя, библиотекари, работники музеев, музыкальных школ...

Существование Новоторжской семинарии, ставшей затем педагогическим училищем, — важнейший фактор (*factor* – латинское – «делатель, творец чего-нибудь») духовной стойкости этого тысячелетнего пространства на берегах Тверцы. Привнесенный на богатую, удивительную историческую судьбу города, этот дух, соединившись с нею, дал нам то, что мы называем *новоторжской интеллигенцией*. И мое счастье, что я встретил на своем пути ее представителей, что видел и вижу еще сейчас это чудо, увы — уходящее, как уходят лучи солнца на закате.

Таким образом, появление Музея А.С.Пушкина — не случайно и не спонтанно. Это органичное и естественное стремление того самого культурного и духовного потенциала, который накапливался веками, выжить, быть может, в самый трудный период истории страны и передать сбереженное наследство потомкам. То, что в центре этого спасительного Ковчега — национальный поэт, тоже не случайно, потому что из всех имен, на коих держится Россия, самое спасительное и жизнестойкое — Пушкин. Но в данном случае Пушкин ещё и ваш добрый путник, желанный постоялец, три десятка раз проследовавший через Торжок!

Кто из вас, побывавши в каком-нибудь городе более десятка раз, не станет затем считать его дорогим своему сердцу?

Уверен, Пушкин любил Торжок не меньше, чем места своего вынужденного пребывания. В ином случае не отозвалась бы эта земля к нему такой взаимностью спустя полтора века.

Вне всякого сомнения, память о Пушкине подспудно всегда жила в Торжке, в том самом городе, который столь мастерски и высокохудожественно запечатлел в первой половине прошлого века знаменитый фотограф Петр Федорович Добрынин. Этот ветхий, тихий городок с удивительно теплым названием — главный и первый экспонат Музея А.С.Пушкина. Память о поэте — на его дорогах и тропинках, в стенах уцелевших зданий, в деревьях, на берегах Тверцы, в воздухе, которым Пушкин дышал, в самой природе, которой он любовался и которая одна остается неизменяемой.

Наконец, любовь его отозвалась в людях, видевших и слышавших поэта и передавших память о нем своим прямым потомкам, то есть вам — правнукам свидетелей пребывания Пушкина в Торжке. Пришёл час, и потомки подняли из глубины колодца, уходящего в бездну времени, дорогое каждому русскому имя и своим старанием, как могли, воплотили (материализовали) свою любовь в Музей. Так что Музей — не начало некоего этапа, а скорее его завершение, его кульминация, которой закончился архаичный период выражения любви к поэту и после которой начался другой, осмысленный и материально оформленный, период. И вот уже сам Музей отмечает тридцатилетие, а значит, он уже имеет свою собственную историю и историю людей, вложивших в его создание и работу свою душу, отдавших Музею и Пушкину — свое сердце.

Но у всего значительного есть своя предыстория. Мы должны вспомнить и о ней, а значит — назвать имена.

Старейший библиотекарь Марина Андреевна Остолопова, на подводе спасавшая книги Пушкина во время бомбежки; Василий Николаевич Андреев, преподаватель русского языка и литературы в довоенной истории педучилища и первый исследователь пушкинского Верхневолжья; Александр Александрович Суслов, подвижник и пропагандист поэта в Торжке; Маргарита Александровна Кромина, первый директор Музея; Юрий Леонидович Керцелли, московский художник, принявший деятельное участие в становлении Музея; Галина Алексеевна Климовская, исследователь традиций, быта и искусства края; Светлана Тихоновна Овчинникова и, конечно, Таисия Владимировна Горох — бессменный директор на протяжении многих лет... Я назвал лишь несколько имен, но и у них были учителя, ведь и им кто-то передал знания и любовь...

Музей А.С.Пушкина — наиболее важное наследство, которое бережно передано от прошлого века нынешнему, лучшее и самое дорогое из того, что завещали новому времени и новому поколению представители новоторжской интеллигенции. И я не случайно спросил: *мог ли появиться подобный музей сейчас?*

Не знаю. Но если ответ на этот риторический вопрос будет утвердительным, то пусть этим ответом станет обновление Музея. Пусть ответом станет повышенное внимание к его проблемам, понимание его роли и значения в судьбе Торжка и всего Тверского края. Давайте поймем и сумеем объяснить остальным, что Музей А.С.Пушкина — это средоточие духовной и культурной памяти го-

рода, это его душа, его лицо, это очаг, вокруг которого может и должна возродиться жизнь древнего Торжка. Библиотеки, краеведческий музей, Торжокское педагогическое училище, школы, восстановленная гостиница Пожарских, всё прочее, включая памятники архитектуры, которые также будут восстановлены, — всё это должно быть соединено в культурное пространство; и я вижу, что новый этап культурной жизни Торжка — это создание заповедной (*от слова «заповедь»*) зоны с Музеем Пушкина в центре.

Те, кто был в Соединенных Штатах, отмечают, как эта великая, самая богатая, но молодая страна мучается от отсутствия глубоких корней, оттого что нет там старинных зданий, древних камней, нет вековых традиций... Уверен, они бы перенесли Торжок к себе вместе с жителями, только бы иметь перед собою вид древностей, без которых великая страна не может прочно стоять на ногах. Поверьте, всякая тропинка в Торжке помнит всякого, кто по ней когда-либо прошел...

Уверен, не за горами время, когда при Музее откроется научно-исследовательский институт с академиком во главе и с таким годовым бюджетом, который позволит не только безбедно жить научным работникам, но и устраивать ежегодные, — что я говорю! — ежеквартальные конференции с привлечением лучших пушкинистов мира, издавать академический журнал и книги, проводить исследования всего Тверского края, и особенно мест, связанных с пребыванием Пушкина. Нет сомнения в том, что на работу в Музей и научный центр при нем будут стремиться попасть самые достойные кандидаты, и не только из Торжка, а труды, выходящие из-под пера сотрудников, будут соперничать с работами Пушкинского Дома на набережной Макарова...

В приведенной вначале статье о Российской Академии Пушкин озвучивает еще один вопрос и еще один ответ:

«Отчего у нас начинаются дела с великим жаром и пылкостью, потом оставляются, а нередко и совсем забываются?»

«По той же причине, по которой человек стареется», — ответила мудрая Матушка Императрица.

Давайте не стареть. Давайте докажем, что Торжок, получив бесценное наследство, не только не промотает его, но приумножит, и спустя двадцать лет, в дни полувекового юбилея Музея, те, которые доживут до того славного дня, пусть помянут нас таким же добрым словом, каким мы сегодня вспоминаем зачинателей Музея А.С. Пушкина.

* * *

*Когда порой воспоминанье
Грызет мне сердце в тишине
И отдаленное страданье
Как тень опять бежит ко мне;
Когда, людей повсюду видя,
В пустыню скрыться я хочу,
Их слабый глас возненавидя, —
Тогда забывшись я лечу
Не в светлый край, где небо блещет
Неизъяснимой синевою,
Где море теплою волной
На пожелтевший мрамор плещет,
И лавр и темный кипарис
На воле пышно разрослись,
Где пел Торквато величавый,
Где и теперь во мгле ночной
Далече звонкою скалой
Повторены пловца октавы.*

*Стремлюсь привычную мечтою
К студеным северным волнам.
Меж белоглавой их толпою
Открытый остров вижу там.
Печальный остров – берег дикий
Усеян зимнею брусникой,
Увядшей тундрою покрыт
И хладной пеною подмыт.
Сюда порою приплывает
Отважный северный рыбак,
Здесь невод мокрый расстилает
И свой разводит он очаг.
Сюда погода волновая
Заносит утлый мой челнок*

.....

1930г.